

Система координат

Coordinate System / Koordinatensystem

УДК 327

DOI 10.24411/2227-9490-2018-11011

Ходаковский Е.А.

Третий Рим в системе цивилизационных парадигм безопасности: некоторые особенности, тенденции эволюции и перспективы

Ходаковский Евгений Андреевич, доктор политических наук, кандидат философских наук, эксперт Фонда национальной и международной безопасности Москва

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-1204-5129>

E-mail: evgeny-a-khodakovsky@j-spacetime.com; khodakovsky@bk.ru

В русле разрабатываемой автором гецивилизационной концепции рассматриваются тенденции эволюции, особенности и перспективы цивилизационных парадигм и модусов безопасности в современном мире. Обоснована целесообразность системообразующей роли России в формировании полицентричной структуры мироустройства

Ключевые слова: безопасность; гецивилизационная безопасность; цивилизационные парадигмы и модусы безопасности; глобальное противоборство; Запад; Восток; Россия; полицентризм; противодействие экстремизму и терроризму.

Ближайшее десятилетие является ключевым в развитии Российской Федерации, а также во многом определяющим в эволюции гецивилизации¹. По масштабу и кардинальности грядущих изменений обозримое будущее может стать уникальным в

¹ Гецивилизация (цивилизация планеты Земля) — единство в многообразии всех общностей планеты Земля, соединенных политическими, экономическими, демографическими, культурно-историческими и информационно-технологическими взаимосвязями. В отличие от ряда плюралистических трактовок, автор отстаивает мнение о единой целостной гецивилизации как об основном субъекте планетарной эволюции, охватывающей в неразрывном единстве человечество и природную среду. О структуре и свойствах системы гецивилизации подробнее см. [*Ходаковский 2016, с. 125–171*].

истории человечества. Все сферы социальной жизни будут затронуты существенными преобразованиями, которые вызовут цепную реакцию распада сложившихся форм жизнеустройства и зарождения новой эпохи, в которой, по нашему мнению, измениться совокупное влияние противоречивых тенденций развития мирового сообщества. При этом уже сегодня очевидно, что мы имеем дело с (гео)цивилизационными моделями (парадигмами и модусами) безопасности и если не открытой борьбой, то как минимум конкуренцией за их влияние на единую глобальную, мир-системную, гецивилизационную, парадигму безопасности.

Одна из основных тенденций эволюции мир-системы и, соответственно, парадигмы (модуса) гецивилизационной безопасности связана с возросшим — по итогам завершения «холодной войны» — значением группы стран, возглавляемых США и пытающихся навязать мировому сообществу моноцентричную структуру системы международных отношений. При этом оказывается избирательное воздействие на различные государства Востока: через преднамеренное обострение ядерной проблемы КНДР укрепляется зависимость Японии от военно-политического союза с США, фактическое признание ядерного статуса Индии создает противовес вооруженной мощи Китая, создание новых и поддержка существующих экстремистских и террористических структур создает напряженность в ближневосточном регионе, богатом энергетическими ресурсами.

Особенностью последних десятилетий здесь является то, что доминирующее влияние Запада поддерживается преимущественно военными средствами, так как социокультурный и экономический потенциал этой макрорегиональной подсистемы гецивилизации и ее (гео)цивилизационная модель безопасности в данный исторический период находятся на критическом состоянии и не способны обеспечивать достигнутое в прошлом политическое превосходство. В качестве основных средств по поддержанию границ сложившейся структуры западной цивилизационной общности и ее глобального влияния также выступают вмешательство во внутренние дела суверенных государств, смена неугодных режимов марионеточными, санкции, бойкоты. Последние, впрочем, вызывают сомнения у самих их субъектов, и сомнение это сквозит даже в их просанкционных (в поддержку санкций как инструмента политического давления в целом и как инструмента политического давления на Россию, Иран и КНДР в частности) публикациях (см., напр., [*Подрабинек 2015; Дрезен 2015; Taylor 2017; Smeets 2018*]).

В то же время материальное обеспечение внешней агрессивности США основывается на финансово-спекулятивных махинациях, которые не только поставили на грань краха некогда мощнейшую экономику, но и спровоцировали мировой финансово-экономический кризис, привели к усугублению существующих глобальных проблем и снижению престижа США на меж-

**Ходаковский Е.А. ТРЕТИЙ РИМ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ БЕЗОПАСНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

дународной арене. Глобальный кризис подорвал возможности этого периферийного, в социокультурном отношении, государства по единоличному управлению миром — настолько, что об этом заговорили и отдельные наиболее трезвомыслящие американские аналитики [Бьюкенен 2003, 2008, 2016], и даже автор современной американской цивилизационной парадигмы безопасности и «методички по геополитическим американским шахматам» утратил оптимизм по поводу перспектив Pax Americana и вынужден констатировать факт смещения «центра тяжести» геополитического доминирования с Запада на Восток [Brzezinski 2012]. В итоге политическая элита США, в лице администрации Д. Трампа, была вынуждена перейти к реализации альтернативного варианта внешней политики страны, основанного на умеренном изоляционизме [Buchanan 2016] и осознании неизбежности формирования полицентричной структуры мирового сообщества. При этом острота конкуренции с Россией и Китаем по ряду перспективных направлений глобального противоборства (таких, как РЭБ, кибер- и гиперзвуковое оружие) [Feakin 2013; Krepton, Thompson 2013; Harold et al. 2016; Cardon 2016; Chivvis 2017; Nersisyan 2017; Frost et al. 2017; Allen, Moore 2018 и мн. др.] накладывают серьезные ограничения на свободу маневра в реализации внешней политики США — и провоцируют к пересмотру военного строительства от реваншизма в упомянутых сферах [Lawson 2015 и др.] до раскручивания отработанных за десятилетия «экспорта демократии» пропагандистских приемов по дискредитации конкурентов.

Кибервойска Китая (слева) и США (справа).
Фото с сайтов <https://www.securitylab.ru/news/478228.php> и
<https://hitech.vesti.ru/article/626772/>

Российские войска радиоэлектронной борьбы.
Фото с сайта https://defendingrussia.ru/a/cistemy_reb_dlja_borby_so_sputnikami_sozdajutsja_v_rossii-6815/

Ослабление США в среднесрочной перспективе приведет к обострению соперничества в борьбе за региональное и глобальное лидерство, в долгосрочной — к реваншу Востока над Западом [Барма и др., 2008].

«По мере относительного усиления мощи других цивилизаций привлекательность западных ценностей уменьшается, а незападные народы испытывают все большее доверие и приверженность к своим собственным коренным культурам. Поэтому главная проблема взаимоотношений между Западом и остальным миром заключается в том, что его усилия (и в особенности США) по продвижению универсальной западной культуры предпринимаются на фоне объективно сокращающихся возможностей в этой области» [Хантингтон 1999, с. 536], —

что, в свою очередь, ведет к изменению дискурса американской если и не политики, то политологии:

«Подъем некоторых стран из тех, что шесть лет назад мы назвали “весь мир за исключением Запада” (“World without the West”) [более корректный перевод названия дан в публикации названной работы в журнале “Россия в глобальной политике” — “мир без Запада” [Барма и др., 2008] — Е.Х.], не столько является вызовом для господствующего порядка, сколько демонстрирует внутреннюю слабость, присущую существующей системе.

Такая ситуация может оказаться неблагоприятной для американской внешней политики, а также для перспектив установления «либерализма по всему миру», но вовсе не обязательно неблагоприятной. Приблизиться к постановке нормативных задач, свойственных либерализму, в XXI веке можно; но это потребует новых стратегий мысли. Как только политики поймут, что **либеральный порядок — это не более чем миф**, они смогут освободиться также и от тревожных мыслей о том, что некоторые страны посягают на него или угрожают ему, а Соединенные Штаты будут свободны от **воображаемого обязательства** защищать сей порядок. Вместо этого можно будет сосредоточиться на важнейшей задаче, а именно на том, чтобы создать либеральный порядок “с нуля”» [Барма и др. 2013, выделение первоисточника].

Одним из механизмов сохранения экспансионистского потенциала Запада является соблазнение — на то, что система ценностей западного общества «в современных условиях переросла в систему соблазнов», укажет не только А.А. Зиновьев [Зиновьев 2004, с. 600], но и немецкий международный обозреватель Йозеф Иоффе, назвавший Америку «угрожающей и соблазняющей, чудовищной и образцовой» [Сардар, Дэвис 2003, с. 61], и австралийская писательница Маргарет Вертхайм, считающая, что для большей части населения земли «американская культура похожа на опасный вирус». «Вирус» американской культуры и стиля жизни воспроизводится с такой легкостью из-за того, что в его основе — обещание изобилия, соблазн обогащения» [Сардар, Дэвис 2003, с. 128]. «Массовая культура», шаблоны которой и являются инструментом подобного соблазнов, навязывает их тиражированием «вирусов» псевдо-смыслов, подменяя ценности брендами, а идеи — хэштегами, разрушая традиционные системы ценностей, — такая «массовая культура» остается важнейшим фактором, обеспечивающим статус единственной сверхдержавы. С утверждением Бреттон-Вудской системы и, особенно, современной «мир-экономики» с ее глобальной системой коммуникаций, примитивность и примитивизирующий потенциал «массовой культуры», продукты которой адресованы «досо-

**Ходаковский Е.А. ТРЕТИЙ РИМ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ БЕЗОПАСНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

циальному», «докультурному», по сути, биологическому потреблению и адаптации и не требуют значительных усилий для своего усвоения, стали и остаются опасным конкурентным преимуществом Запада:

«Это нечто новое сравнительно с тем, что было ранее. В обществе произошел баснословный прогресс в отношении жизненных благ, о котором раньше никто не думал. ...Благодаря масс-медиа все достижения в сфере жизненных благ стали общеизвестными. Молниеносно становится общеизвестным все то, что еще только делается в этом отношении, что будет сделано и что считается возможным. А идеология и пропаганда создают иллюзию, будто все эти сказочные блага общедоступны или в принципе могут быть доступными всем. Они играют в данном случае роль Сатаны-соблазителя, только сулящего всеобщий земной рай» [Зиновьев 2004, с. 360].

В отношениях с не-западными обществами «мощная система соблазнов и идеологическая обработка» направлены на то, чтобы «заражать их пороками западного общества, изображая пороки как добродетели, как проявление подлинной свободы личности» [Зиновьев 2004, с. 600]. Характеризуя основанную на такого рода соблазне экспансионистскую политику США как «культурный империализм», американский исследователь Р. Стил утверждал:

«Не Советский Союз, а Соединенные Штаты всегда были революционной державой... Мы построили культуру, базирующуюся на массовых развлечениях и массовом самоудовлетворении... Культурные сигналы передаются через Голливуд и «Макдоналдс» по всему миру — и они подрывают основы других обществ... в отличие от обычных завоевателей, мы не удовлетворяемся подчинением прочих: мы настаиваем на том, чтобы нас имитировали» (цит. по: [Уткин 2003, с. 55]).

Очереди в первые Макдональдсы: слева — в Москве (1990), справа — в Астане (2016).
Фото с сайтов <http://life-pics.ru/mobile/news/184-makdonalds-25-let-v-rossii.html> и <https://www.mirror.co.uk/news/world-news/hundreds-turn-up-mcdonalds-opens-7529719>

Очередь за гамбургерами в Макдональдсе в Тарту.
Фото с сайта <https://rus.postimees.ee/3449085/mcdonald-s-pozhertvoval-v-polzu-detey-iz-baltiyskih-stran-bolee-70-000-evro>

В числе первых жертв «мягких» манипуляционных технологий Запада оказались страны Восточной Европы, у которых возросла уязвимость из-за разрыва преемственного развития христианской традиции в ходе социалистического эксперимента. Коммунистическая идеология оказалась неадекватной компенсацией последствий приобщения к символической одномерности Запада (так же дехристианизированного). Соблазн броских рекламных оберток общества потребления привел плановое экономическое хозяйство к нищете и безработице. Бывшие страны социалистического Второго мира в результате «бархатных» революций скатились до уровня колониальной зависимости Третьего мира: произошедшая здесь деградация смыслов закономерно повлекла за собой экономическую стагнацию и эрозию геополитического статуса — всеобщность такой деградации и закономерность ее социально-экономических и геополитических последствий с полным основанием можно считать первой тенденцией инволюции глобальной мир-системы.

Вторая тенденция развития мирового сообщества сопряжена с формированием полицентричной структуры международных отношений, в которой Россия призвана сыграть системообразующую роль. Пример Сирии убедительно демонстрирует не только превосходство российских ВКС и спецназа, но и резонансный эффект от использования военных, информационно-психологических и информационно-технологических методов и средств как единый комплекс геочивилизационных технологий, позволяющих в максимально сжатые сроки добиваться привлечения к решению проблем ключевых сторон, в том числе и тех, которые без участия России занимали непримиримо враждебные позиции.

Однако успех регионального масштаба следует закрепить на глобальном уровне, иначе достигнутые преимущества будут в очередной раз утрачены (история отечественной дипломатии и геополитики, к сожалению, богата такими примерами). Подобно тому, как по сирийской проблеме России удалось выстроить взаимодействие с Ираном и Турцией, необходимо обеспечить переход на качественно новый уровень российско-индо-китайских отношений. Синтез достижений ведущих незападных цивилизаций, их уникальный исторический опыт и традиции создадут в этом случае архитектуру мир-системы, благоприятную для большинства народов геочивилизации: Русская идея, «сетевые социальные технологии» Индии, китайские стратегии сформируют, как мы полагаем, повестку развития человечества в третьем тысячелетии — новую геочивилизационную парадигму и новый геочивилизационный модус безопасности.

Русская идея, как представляется, призвана сыграть ключевую роль в противодействии негативным последствиям распространения «массовой культуры» Запада. Подобно тому, как не в полуколониальном и даже не социалистическом Китае (где конфуцианство было фактически запрещено), а в Китае, вернувшемся к своей цивилизационной матрице, осуществляются исследования на самом переднем крае современной науки (см., напр., [Xu Yuhui et al. 2015; Yan Juan et al. 2015; Yang Chenguang et al. 2017; Lin at al. 2017; Li Qing et al. 2018 и мн. др.]), уже не на локальном, а на региональном и даже макрорегиональном

**Ходаковский Е.А. ТРЕТИЙ РИМ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ БЕЗОПАСНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

уровнях эрзац-культуре общества потребления способна противостоять именно обновленные концепции «Общего дела» и русского космизма, способные решить ту задачу, которую не смогло (и принципиально не может) решить западноевропейское «преодоление метафизики»: возвращение на службу человеку служащих ныне наживе и абстрактному «технологическому интеллекту» технологий в таких сферах, как освоение космоса, геновая инженерия, медицина, роботизация, производство наноматериалов и другие достижения шестого технологического уклада. Поставленная в проекте «Общего дела» основоположником русского космизма Н.Ф. Федоровым задача «оживления живых» (см. подробнее [Федоров 1997, с. 251–406]) становится актуальной как никогда ранее, но не только в том прямом смысле, который придавал ей сам философ. Процесс «расчеловечивания» человека в западной и ориентированных на нее культурах принял необратимый характер, являясь признаком исторического коллективного культурного и социально-политического самоубийства западного либерализма, прагматизма и утилитаризма [Бьюкенен 2003, 2008, 2016; Пелипенко 2012; Фрумкин 2014], в которое активно вовлекается все геополитическое и геокультурное пространство. Так, в частности, подорванным (самим же Западом) и дискредитировавшим себя оказался важнейший базовый принцип всей новоевропейской цивилизации и близких ей культур — принцип рациональности, разумности и всемогущества Разума. Современники Ф. Гойи верили в то, что «сон разума порождает чудовищ», на рубеже XIX и XX веков К.Э. Циолковский рассуждал о будущей форме человеческой жизни в виде мыслящей лучистой энергии [Циолковский 1991], а В.И. Вернадский своей концепцией ноосферы воскресил античную идею нус, всеобщего разума — в XXI веке чудовищ порождает уже не сон разума, а его бодрствование. Возведенные в абсолютную ценность прагматизм и утилитаризм, «санкционированный» постмодернизмом отказ от всех возможных истин и определенностей образовали социальное пространство, в котором успешно формируется и реализуется не созидательный, а деструктивный человеческий и общественный потенциал в духе не эпистемического (по Фейерабенду), а морально-практического (по Достоевскому и Владимиру Бартолу), принципа «ничто не истина, все дозволено» ('Nothing is true everything is permitted' [Bartol 2007]): цинизм биржевых махинаций и финансовых спекуляций, пропаганды в духе геббельсовской, — всего того, что сегодня блокирует конструктивное решение наиболее острых глобальных и региональных проблем и в международных отношениях, и в сфере экологии.

В Фултонской речи У. Черчилль декларировал в качестве гецивилизационной парадигмы безопасности — и западного варианта «конца истории» — эру справедливости, обеспеченную монополией англосаксов на ядерное оружие — Хиросима и Нагасаки, бомбардировки Югославии показали цену этому заявлению и перспективы участи для тех, кто, по мнению геополитического гегемона, обремененного заботой обо всем человечестве, окажется недостойным грядущей эпохи всеобщего благоденствия. Разрушение Советским Союзом ядерной монополии Запада лишило «сильных мира сего» возможности снисходительно поучать «недочеловеков», недоограбленных и недоуничтоженных в колониях и резервациях — создание новых видов стратегического оружия в современной России способно создать основания для сдерживания глобального гегемона, вразумления его сателлитов и движения к единству в многообразии как альтернативе раздору в однообразии.

Однако образцы такого единства следует искать в политической культуре и гецивилизационных парадигмах и модусах безопасности не Запада, а Востока, в частности, в Индии, в социально-политической системе которой, в отличие от большинства восточных цивилизаций исторически отсутствует жесткая моноцентристская иерархия.

«...Государство в Индии играет в целом меньшую роль, чем, например, в Китае, что во многом связано с цивилизационными различиями. Индуизм традиционно (в отличие от конфуцианства) придает относительно небольшое значение государству, делая упор на других ценностях, и поэтому централизация в Индии всегда была относительной» [Лунев 2003, с. 180].

Это усложняет процесс управления, но одновременно и повышает выживаемость общественного организма в целом, в том числе за счет конструктивного взаимодействия в русле единой традиции огромного разнообразия мировоззренческих установок и образов жизни, создающих своеобразную интегративную систему высокой степени адаптации² и саморегуляции³.

² «...Установление британского правления отнюдь не остановило движения индусов за возрождение собственного отечества. Когда в XVIII веке это движение потерпело военное поражение, его нарастающий поток отклонился в другое русло. И находясь под британским правлением в XIX—XX веках и во время междуцарствия в XVIII веке, индусы последовательно боролись за власть в Индии, однако в условиях британского режима они шли к этому не военным путем, а через западную систему образования, освоение администрирования, законодательства и права — основных ключей к власти в вестернизирующемся мире» [Тойнби 1996, с. 171].

³ «В индуизме нет централизованной иерархической организации. Эта религия довольно спонтанно стала однородной в обрядах и является «самоуправляющейся» [Чоудхури 1999, с. 371].

Кардинальное отличие от европейских социокультурных стереотипов нашло свое отражение в стереотипе «невоинственных индусов» (Тойнби).

«Такие основополагающие понятия, как карма (общая сумма совершенных индивидом поступков в предыдущих рожденьях и воздаяние за них в настоящем и будущем) и дхарма (долг человека, его статус, права и обязанности), определяют, что индивид не может возлагать ответственность за свои невзгоды на общество или конкретных людей, а должен винить лишь себя за несоблюдение норм в этой ли жизни или в предыдущих» [Лунев 2003, с. 183].

В результате индийское общество, сохраняя низкий уровень конфликтности, обретает свойство обеспечения эффективного развития в критических ситуациях.

«Индусы быстрее, чем мусульмане, сориентировались и ухватились за возможности, которые в эпоху западного правления открылись тем индийцам, кто готов был осваивать западную науку жизни. Индусов, в отличие от индийских мусульман, не будоражили воспоминания об утраченной власти и славе, которые тянут назад, в ушедшее прошлое, вместо того чтобы устремляться в будущее; таким образом, баланс сил, начавший во время анархии XVIII века склоняться не в пользу мусульман, продолжил свое движение и в XIX и в XX веке...» [Тойнби 1996, с. 171].

**Ходаковский Е.А. ТРЕТИЙ РИМ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ БЕЗОПАСНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Стереотип индийской «невоинственности» в геостратегической и военно-политической ретроспективе при ближайшем рассмотрении оказывается, как и все стереотипы, не вполне соответствующим истине: независимо от того, в какую историческую эпоху стране приходилось противостоять внешней военной угрозе — во времена Александра Македонского или в периоды индийско-пакистанских пограничных конфликтов второй половине XX в. (об одном из таких конфликтов см., в частности, [Геворкян 2013]). Однако во внутривосточном пространстве в Индии на протяжении веков создавалась и совершенствовалась, по сути, модель социальной организации, которую сейчас называют сетевым обществом. Индия представляет собой уникальный пример последовательности и преемственности полувекового эволюционного стратегического курса развития, на который не повлияли принципиальным образом убийства основателя страны (М. Ганди) и двух премьер-министров (Индиры и Раджива Ганди). Выдающиеся лидеры из «некоронованной династии» сумели за годы своего правления поддержать развитие тех социально-политических факторов эволюции индийского общества, которые и после их гибели способствовали предотвращению обострения кризисных ситуаций. Успешно реализованная доктрина «ненасильственного сопротивления / неповиновения» (*сатьяграха*⁴) М. Ганди в противостоянии с Британской империей принесла независимость Индии, а впоследствии

⁴ Satyāgraha («упорство в истине» [Степанянц 2010], возможно, от *satyá* — правильный, истинный, действительный, реальный, действенный, надежный, верный, правда, истина, действительность, реальность, и *grāha* — в значении «берущий, добывающий, получающий, усилие; труд, понимание, восприятие» [Кочергина 1978, с. 680, 199]). Его прилагали специально к непринятию несправедливости, Ганди определяет его так: «Держаться истины; сила истины; сила любви или сила души, и наконец... торжество истины через силу души и любви» (цит. по [История Индии 2004, с. 703]).

заслуженный авторитет среди стран «третьего мира» и статус основателя и лидера Движения неприсоединения. И хотя потенциала индуистско-гандийской идеологии было недостаточно для полного разрешения («снятия») всех социальных конфликтов общественной жизни, именно благодаря ставшим основой «единства в многообразии» цивилизационным факторам, самому М. Ганди и гандизму даже в условиях непрекращающихся претензий штатов к центру в вопросе о децентрализации управления и соответствующего перераспределения полномочий, страна избежала (и избегает) возможных конфликтов на почве регионального сепаратизма. Сказалось также и то, что в регионах, все более втягивающихся в общенациональное разделение труда, начали формироваться социальные слои, заинтересованные в государственном единстве и общественной стабильности.

М. Ганди в Бардоли во время объявления сатьяграхи 1928 г.

Соляной марш, организованный Ганди во время сатьяграхи 1930 г.

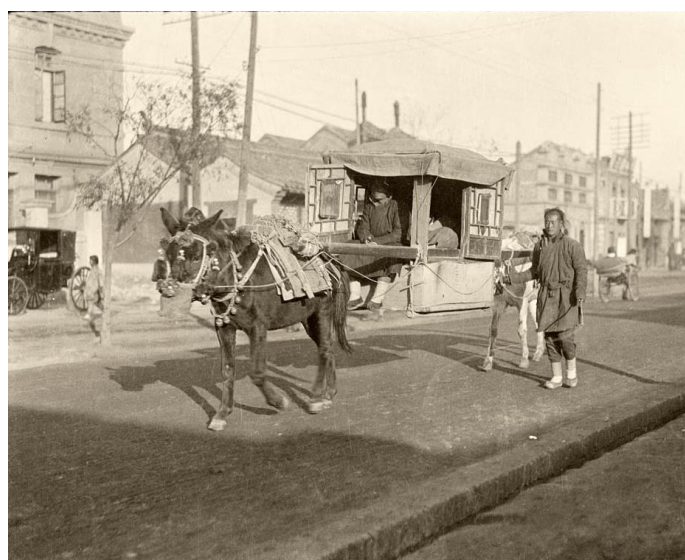
Характеризуя результаты развития современной Индии, необходимо подчеркнуть важность общественного согласия в отношении исторически значимой стратегии. Определение перспективных целей и упорная наступательная и преемственная политика⁵ в их реализации позволили Индии в сжатые сроки пройти путь от колониальной зависимости до превращения в

⁵ Высокую эффективность продемонстрировала подчас рискованная внешняя политика Индии. Подобно тому, как КНР добилась успехов в проведении экономических реформ, и ее внутренний рынок стал сферой соперничества между лидерами модернизации (в первую очередь – США и Японии), Индия подтвердила статус надежного внешнеполитического партнера, за расположение которого ведут борьбу в настоящее время такие государства, как США, Китай и Россия.

одну из глобальных держав, мощный центр силы, сохраняющий также авторитет лидера развивающихся государств в отстаивании их интересов во взаимодействиях с лидерами модернизации. Взаимосвязанные процессы глобализации и региональной интеграции создали в целом благоприятные условия для роста значимости государства-цивилизации Индии.

Цивилизационная специфика, благодаря которой Китаю за тысячелетия своей истории удавалось не просто интегрировать, а «окитаивать» восточных завоевателей, приобщая их собственно культуре (а точнее, поглощая их собственной культурой), а также стратагемность, в которой были синтезированы уникальные культурно-исторические и военно-политические традиции, позволила стране, почти век пребывавшей в полуколониальной зависимости от промышленно развитых государств Запада, стать в течение второй половины двадцатого века одним из влиятельнейших политических центров современности, не осуществив при этом ни одной крупномасштабной военной операции. На протяжении десятилетий Китай оставался единственной страной Востока, обладающей арсеналом ядерного оружия и средствами его доставки. При этом необходимо учитывать, что при успешном разрешении Китаем проблем на южном и восточном направлениях следующим объектом «концентрации основных усилий» могут стать нынешние «опорные» государства: Россия, Монголия и бывшие среднеазиатские республики Советского Союза. Идеологической основой возможного «разворота» на север является разработанная в китайских военных кругах концепция «стратегических границ и жизненного пространства», которые должны расширяться в соответствии с ростом «комплексной мощи государства» [Зимонин 2000, с. 39]. Поэтому в отношениях России с государствами Востока важна сбалансированность, отсутствие односторонних преимуществ и зависимостей.

**Ходаковский Е.А. ТРЕТИЙ РИМ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ БЕЗОПАСНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Пекин, 1917—1919 гг.
Фото Д.Г. Сиднея

Цинхай-Тибетская железная дорога,
2000-е гг. Фото с сайта
<https://russian.dbw.cn/system/2010/07/08/000255211.shtml>

Карта Китая, опубликованная китайским блогером. Красным отмечены «утраченные китайские территории», 2000-е гг. Фото с сайта
<https://www.epochtimes.ru/kitajtsy-nedovolny-tem-chto-ih-strana-iz-lista-begonii-prevratilas-v-toshhuyu-kuritsu-99028144/>

В целом стратегический потенциал и специфика участия государств Востока в глобальном противоборстве определяются:

- приверженностью идеалам и ценностям, основанным на традиционных религиозно-этических учениях;
- способностью к интеграции ценностей и традиций иных цивилизаций, избирательностью и прагматизмом в процессе заимствования их достижений в различных сферах развития;
- детальной регламентацией внутренней жизни и жестким регулированием внешних контактов;
- преемственностью и комплексностью в реализации установленных целей и задач развития;
- эффективным использованием исторически сложившихся методов военно-политического противоборства;
- привлечением возможностей диаспоры для решения задач модернизационного развития.

В обозримом будущем следующие факторы обуславливают стратегический курс государств Востока в глобальном противоборстве:

- зависимость от Запада в сфере передовых технологий;
- дискриминационное положение в международной торговле и глобальной финансовой системе;
- необходимость уклоняться от конфронтации с Западом из-за сохраняющегося отставания в развитии военного потенциала.

Для государств Востока в ближайшие десятилетия жизненно важной является задача разработки мер коллективной безопасности, предполагающих создание региональных институтов экономического и военно-политического взаимодействия, способных противостоять «ударным силам» лидеров модернизации. Эта задача может быть решена только с помощью России, что осознается также и на Западе. Так Российская Федерация в эпоху кризиса западной цивилизационной парадигмы безопасности и ее соответствующего модуса оказалась в эпицентре обостряющейся глобальной конфронтации.

В широкомасштабной антироссийской кампании США реализуют сохраняющиеся гецивилизационные парадигму и модус безопасности — коалиционный потенциал глобального противоборства. Отдельные атаки попеременно инициируются различными западными государствами, но все действия западной коалиции координируются единым (хотя и распределенным) центром и подчинены единому замыслу: дискредитации России, стремлению подорвать ее авторитет на международной арене и, в конечном счете, нанести невосполнимый ущерб безопасности Российской Федерации. В рамках этой кампании образ России как инициатора и главного актора гибридной / кибер / электронной войны создается не только общественно-политическими, но и научными печатными и электронными западными СМИ, однако именно развернутая против России гибридная война носит тотальный характер, охватывая все сферы: не только политику и экономику, но и образование, экологию, искусство, спорт. Впервые в целом ряде западных стран русофобская истерия активно используется как фактор внутривнутриполитической борьбы.

Указанные особенности современного критического состояния гецивилизационной безопасности и эскалации глобального противоборства в определяющей степени вызваны усугубляющимся кризисом западного сообщества, его социокультурной и мир-системной (политэкономической) парадигмами и модусами. Девальвация либеральных ценностей, крах мультикультурализма, полураспад ЕС, просчеты в политической, военно-стратегической и финансово-экономической сферах подталкивают руководство западных стран к использованию экстренных мер консолидации, преимущественно за счет целенаправленного обострения отношения с Россией. Обнародование ряда достижений в разработке новых видов российского стратегического оружия лишь подстегнули наших «партнеров» к усилению санкционно-клеветнических кампаний, активизации использования таких технологий дезинтеграции социальных систем, как разработанные на основе масштабных фундаментальных исследований «цветные революции», «сетевые войны», «гуманитарные интервенции»⁶.

⁶ «Узаконить обход ООН при применении силы против стран, отнесенных позже по американской классификации к “оси зла”, была призвана теория “гуманитарной интервенции”. Согласно этой теории, отдельное государство или группа государств могут взять на себя ответственность за вооруженные действия против тех режимов, которые, по их оценке, приводят положение в своих странах к “гуманитарной катастрофе”. Под ней подразумеваются массовые нарушения прав человека» [Примаков 2002, с. 97].

**Ходаковский Е.А. ТРЕТИЙ РИМ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ БЕЗОПАСНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Со второй половины 1980-х гг. инструментарий теории катастроф и технологии управляемого хаоса стали неотъемлемой частью арсенала «цветных» революций в Восточной Европе и Центральной Азии, «экспорта демократии» на Ближнем Востоке и в целом американской геостратегии [Lawson 2013]. В начале 1990-х гг. начинается активизация использования методов «катастрофического переустройства» России, и курс на дезинтеграцию Западом российского государства приобретает целенаправленный долговременный характер. Реализуемые в настоящее время сценарии «катастрофического переустройства» мира разрабатывались на основе концепций «форматирования» этничности («демонтаж»-деконструкция народов, их видоизменение, создание «короткоживущих» искусственных этносов) и «самоорганизованной критичности». Последствия использования фундаментально обоснованных новейших форм и методов глобального противостояния оценивались западными аналитиками в качестве революции в стратегическом мышлении, на основе которой была разработана и реализуется принципиально новая стратегия национальной безопасности США, инициирующая и эксплуатирующая ситуацию глобального хаоса. Борьба за умы представителей незападных культур была провозглашена основной целью «агрессивной стратегии национальной безопасности», в реализации которой «США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать... какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека» [Mann 1992].

В сложившихся условиях фундаментально обоснованным и неоднократно апробированным технологиям дестабилизации государств, регионов может быть противопоставлен адекватный ответ, выработанный также на фундаментальном уровне. Противоположностью деконструирующим практикам может стать не быстро исчерпывающий свой потенциал популистский рекламно-имиджевый, а теоретико-методологический инструментарий — комплекс социально-гуманитарных, естественнонаучных и инженерно-технических разработок — и социально-экономические и управленческие стратегии, направленные не просто на нейтрализацию субъекта деструктивных воздействий, но на создание среды, адекватной цивилизационному модусу обеспечения безопасности и развития Российской Федерации.

Здесь следует учитывать и специфическую особенность российской некооперационной (некоалиционной) оборонительной модели безопасности, когда неизбежные краткосрочные негативные последствия очередного «крестового похода» против России могут привести к долговременным положительным результатам. Так, история государства Российского знает немало примеров, когда конфронтация с Западом в условиях «цивилизационного одиночества» России стимулировала раскрытие ее мобилизационного потенциала, в то время как участие в западных коалициях и блоках (от военных альянсов Древней Руси до Священного союза, Антанты), верность союзническому долгу, жертвенность, уступки и доверие обещаниям западных лидеров приводили к катастрофическим последствиям (Крымская война, распад Российской империи и Советского Союза, государственный переворот на Украине...). Открытое противостояние с Западом уменьшает шансы очередного спасения «партнеров» за счет России.

Это делает актуальной реконцептуализацию категории безопасности и ее уровней как базовых понятий теории безопасности.

Безопасность, на наш взгляд, есть свойство сохранения и воспроизводства сущности объекта безопасности, обуславливающее его существование (экзистенциальный уровень безопасности), качественную определенность (субстанциональный уровень безопасности) и функционирование (функциональный уровень безопасности).

Экзистенциальный уровень безопасности отражает взаимосвязь сущности и существования объекта безопасности. В реальном мире обладание сущностью предполагает существование: все, наделенное сущностью, существует. Несуществующее не может обладать сущностью. Существование является необходимым (но не достаточным) условием для обладания сущностью. Прекращение существования равнозначно потери сущности. Но утрата сущности не всегда ведет к скоротечному прекращению наличного бытия. Лишенный сущности объект безопасности может какое-то время сохранять возможность угасающего существования, как по инерции, постепенно утрачивая взаимодействие с реальностью.

Экзистенциальный уровень равнозначен прожиточному минимуму объекта безопасности, совокупности критически важных условий его выживания. «Быть или не быть?» — экзистенциальный вопрос безопасности, актуальность которого возрастает в экстремальных ситуациях.

Субстанциональный уровень безопасности основывается на взаимозависимости сущности и содержания объекта безопасности. Сущность представляет собой субстанциональное ядро в содержании объекта безопасности, которое обуславливает его качественную определенность. Утрата сущности наносит невосполнимый ущерб содержанию объекта безопасности, его идентичности. В то же время поврежденность содержания не всегда ведет к потере сущности. В неблагоприятных условиях допустимо (зачастую — неизбежно) определенное снижение значений качественных и количественных показателей для выживания объекта безопасности.

Субстанциональный уровень, в отличие от экзистенциального, предполагает рассмотрение основных характеристик объекта безопасности, позволяющих ему не только существовать, но и развиваться. «Каким быть?» — субстанциональный вопрос безопасности, рассмотрение которого предполагается на протяжении всего периода существования объекта безопасности.

Функциональный уровень безопасности является результатом действенного проявления сущности объекта безопасности в ходе выполнения присущих ему функций. Эффективность функционирования объекта безопасности представляет собой наиболее очевидное подтверждение его благоприятного состояния, основывающегося на успешной реализации экзистенциального и субстанционального потенциалов объекта безопасности. Дисфункциональность (невозможность выполнять функции) ведет к поврежденности качественной определенности объекта безопасности и может привести к прекращению его существования. «Что делать?» — функциональный вопрос безопасности, обостряющийся в кризисные и переходные периоды, связанные со сменой целей и направлений развития объекта безопасности.

В своей совокупности экзистенциальный, субстанциональный и функциональный уровни безопасности отражают возможности и условия сохранения, воспроизводства и проявления сущности объекта безопасности, которые могут быть представлены ответами на вопрос «Что делать для того, чтобы быть самим собой?».

Приведенное понимание категории «безопасность» и взаимосвязи ее уровней позволяют по-новому подойти к выработке новой парадигмы и модуса как региональной, так и гецивилизационной безопасности и, соответственно, релевантных стратегий в

**Ходаковский Е.А. ТРЕТИЙ РИМ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ БЕЗОПАСНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

глобальном противоборстве, в том числе за счет использования инструментария гецивилизационного подхода, позволяющего выявлять закономерности в характере и развитии взаимодействий и отношений между Россией, Западом и Востоком.

Так, подобная реконцептуализация (гео)политической истории российско-западных отношений позволяет говорить о том, что именно конфронтация с Западом стимулировала раскрытие и реализацию мобилизационного потенциала российского общества и государства (функциональный уровень безопасности), что способствовало не только сохранению их существования (экзистенциальный уровень безопасности), но и развитию их качественной определенности, идентичности (субстанциональный уровень безопасности), и временные успехи Запада в этих обстоятельствах лишь увеличивали глубину краха антироссийских коалиций. Более того, открытое противостояние с Западом сегодня уменьшает шансы очередного спасения «партнеров» за счет России, а неизбежные краткосрочные негативные последствия очередного «крестового похода» против России в долгосрочной перспективе представляются ведущими к долговременным положительным результатам на всех уровнях безопасности. В частности, адресная направленность западной санкционной политики также может благотворно повлиять на развитие государства Российского, способствуя избавлению от западнических иллюзий у ряда представителей российской элиты, а, возможно, и от отдельных наиболее подверженных этим иллюзиям как сохраняющих свои позиции представителей поколения трансформировавшейся в 1990-е гг. партноменклатуры, которая при поддержке Запада обналичила властные полномочия в процессе грабительской приватизации и до последнего времени продолжала расплачиваться перед заокеанскими покровителями, предавая интересы российского общества и государства, так и ее наследникам, ученикам и преемникам. В конфронтации с хозяевами глобальной спекулятивно-финансовой системы российская элита получает уникальный и, возможно, последний шанс трансформироваться в национальную из компрадорской. До тех же пор, пока «политический класс» вынужден действовать по правилам западных «партнеров», каждый раз цинично меняющих эти правила для достижения краткосрочных односторонних преимуществ, не только страна, но и сам ее упомянутый «политический класс» остаются уязвимыми. Формирование новой экономической политики глобального масштаба в союзе с Китаем, Индией и другими восточными государствами-цивилизациями лишит возможности современного гегемона и его сателлитов извлекать монопольные преимущества в сфере спекулятивного капитала.

В целом особенности статуса гецивилизационной системы безопасности и глобального противоборства в начале XXI века определяются:

- эрозией статуса государства как субъекта политики в сфере региональной и глобальной безопасности;
- снижением роли государственных структур в системе международных отношений;
- ослаблением международных организаций, обострением противоречий в комплексе отношений ООН — НАТО — ЕС;
- повышением значимости транснациональных корпораций, различных клубов и комитетов, выполняющих роль теневых правительств;
- деструктивным влиянием на процессы глобальной и региональной интеграции структур трансграничной преступности, наиболее активно функционирующих в сферах экстремизма и терроризма.

Следует учитывать, что в последние десятилетия экстремизм и терроризм стали глобально значимыми социальными явлениями. Если в XVIII—XIX вв. деятельность террористических и экстремистских организаций ограничивалась сферой внутренней политики, борьбой за власть в отдельных странах, то с начала XX века деструктивному влиянию экстремизма и терроризма становится подверженной внешняя политика. Показательным в этом плане являются последствия террористического акта сербских националистов, жертвой которого стал эрцгерцог Фердинанд: развязанная первая мировая война привела к крушению европейских империй, гибели десятков миллионов людей.

Во второй половине XX в. формируется геополитическая составляющая глобального влияния экстремизма и терроризма, наиболее ярко проявившаяся после ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан в организованном США «всемирном джихаде» против СССР. Именно в этих условиях целенаправленно создаются организационно-финансовые основы деятельности таких международных террористических организаций, как Аль-Каида (запрещенная решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г.).

В начале XXI в. терроризм и экстремизм начинают использоваться США в качестве геэкономического оружия в ходе дестабилизации Ближнего Востока с целью ослабления таких глобальных конкурентов, как ЕС (в результате спровоцированного много-миллионного потока мигрантов), Китай, Индия (в итоге создания военно-политических барьеров, преграждающих доступ к энергетическим ресурсам, необходимых для поддержания высоких экономических темпов развития, а также торговые войны).

Вид сверху на лагерь беженцев «Джунгли» в Кале, Франция, накануне демонтажа. Фото с сайта <http://www.rfi.fr/emission/20161003-calais-15-jungle-entre-tensions-surpopulation-migrants>

Контейнеры в порту КНР в период торговой войны между США и Китаем. Фото с сайта <http://www.tvc.ru/news/show/id/135927>

**Ходаковский Е.А. ТРЕТИЙ РИМ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ БЕЗОПАСНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

В последние десятилетия при активном содействии государственных и негосударственных структур США и ряда других государств формируются геоинформационные и геокультурные составляющие деструктивного влияния терроризма и экстремизма. Обеспечение доступа к новейшим достижениям в сфере информационных технологий за несколько лет создали условия, например, для международной террористической организации ИГИЛ (запрещенной решением Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г.) для создания глобальной сети сторонников и сочувствующих, вовлеченных с использованием пропаганды символов «культуры смерти». Первоначальный успех идеологии «всемирного халифата» основывался на создании видимости альтернативы деградирующей, но все еще доминирующей на мировой арене цивилизации Запада.

Совокупность геополитических, геоэкономических, геоинформационных и геокультурных составляющих влияния экстремизма и терроризма в современных условиях формируют в целом геочивилизационный статус данных деструктивных социальных явлений, эффективное противодействие которым также должно осуществляться на геочивилизационном уровне.

В числе перспективных направлений противодействия экстремизму и терроризму на геочивилизационном уровне отметим следующие:

- 1) развитие Русской идеи, распространение ценностей, традиций, консолидирующих российское общество, международное сообщество в противодействии экстремистским и террористическим идеям;
- 2) вовлечение государственных и негосударственных организаций, научно-экспертного сообщества Российской Федерации, стран — членов ОДКБ, ШОС, БРИКС в процесс формирования и реализации глобальной альтернативы, преодолевающей последствия деградации Запада, результатом которой является активизация распространения радикальных, экстремистских идей;
- 3) мониторинг, моделирование, прогнозирование и проектирование свойств информационного пространства России, сопредельных регионов и мирового сообщества в целом с помощью целенаправленных управляющих воздействий, согласованных на международном уровне, в первую очередь с государствами, заинтересованными в локализации и нейтрализации технологий «управления хаосом».

Создание геополитического и геоэкономического союза России и ведущих восточных государств позволит минимизировать издержки деградации современного глобального гегемона и возглавляемой им коалиции, целенаправленно разрушающей не только отдельные государства, но и целые региональные системы, в том числе с помощью экстремистских и террористических структур. Тысячелетний цивилизационный опыт, развитие соборных начал, реализация концепции симфонии властей в новых условиях позволяют нашей стране определять принципы перспективного развития человечества, огражденного от притязаний «сильных мира сего» надежным щитом российского стратегического оружия. «Сироты нового мирового порядка» [Панарин 2003, с. 54] получают шанс достойной жизни. Консолидация Третьего Рима и Третьего мира способна стать основой нового этапа в эволюции мир-системы и геочивилизационной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барма Н., Вебер С., Ратнер И. Мир без Запада [Электронный ресурс] // Россия во внешней политике. 2008. № 4. С. 34–47. Режим доступа: http://globalaffairs.ru/number/n_11160.
2. Барма Н., Ратнер Э., Вебер С. Этот мифический либеральный порядок [Электронный ресурс] // Гефтер. 2013. 2 сент. Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/9797>.
3. Бьюкенен П. На краю гибели. М.: Мидгард, АСТ Москва, Neoclassic, АСТ, 2008.
4. Бьюкенен П. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003.
5. Бьюкенен П. Самоубийство сверхдержавы. М.: АСТ 2016.
6. Геворкян С.Г. Криолитозона как предмет и территория пограничных конфликтов [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 3. Вып. 1? Пространство и время границ. Режим доступа: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Том%203%20Vip%201/rubr6-estestvennye-granicy-st2-gevorkyan-2013.pdf>.
7. Дрезен Дж. Наступление и наказание. Санкции как необходимый инструмент американского государственного влияния [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. 13 окт. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Nastuplenie-i-nakazanie-17743>.
8. Зимонин В.П. Две тенденции в развитии военно-политической ситуации в АТР и Китай // Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы. М.: ИДВ РАН, 2000. С. 37–52.
9. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. СПб.: Нева, 2004.
10. История Индии / Сост. А. Андреев. М.: Альтернатива, 2004.
11. Кочергина В. Санскритско-русский словарь. М.: Русский язык, 1987.
12. Лунев С.И. Индия в глобализующемся мире // Глобализация и крупные полупериферийные страны. М.: Международные отношения, 2003. С. 172–185. (Научные доклады, вып. 1).
13. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003.
14. Пелипенко А.А. Постигание культуры: В 2 ч. Ч. I. Культура и смысл М.: РОССПЭН, 2012.
15. Подрабинек А. Дежавю. Экономические санкции [Электронный ресурс] // Радио Свобода. 2015. 9 янв. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/26769486.html>.
16. Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М.: Мысль. 2002.
17. Сардар З., Дэвис М.В. Почему люди ненавидят Америку? М.: Проспект, 2003.

**ХОДАКОВСКИЙ Е.А. ТРЕТИЙ РИМ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ БЕЗОПАСНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

18. Степанянц М.Т. Ганди [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2010. Электронная библиотека ИФ РАН. Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH011da2d0724e98b2a1a95b1d>.
19. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории / Сост. Рашковский Е.Б. М.: Прогресс – Культура, 1996.
20. Уткин А.И. Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003.
21. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. III. / Сост., подг. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновой. М.: Традиция, 1997.
22. Фрумкин К. После капитализма. Будущее западной цивилизации. М.: Алгоритм, 2014.
23. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 528 – 556.
24. Ходаковский Е.А. Национальная безопасность России в условиях глобализации // Геополитический подход Монография / Под ред. А.П. Кочеткова, А.В. Опалева. М. ЮНИТИ-ДАНА, 2016. С. 125 – 171.
25. Циолковский К.Э. Причина космоса. Воля Вселенной. Научная этика. М.: Космополис, 1991.
26. Чоудхури Н. Индуизм: религия, которой живут // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Сост., ред. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 366 – 371.
27. Allen T.S., Moore A.J. "Victory without Casualties: Russia's Information Operations." *Parameters* 48.1 (2018): 59 – 71.
28. Bartol V. *Alamut*. Berkeley, CA: North Atlantic Group, 2007. Web. <<http://www.rulit.me/author/bartol-vladimir/alamut-get-323943.html>>.
29. Brzezinski Z. *Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power*. New York: Basic Books, 2012.
30. Buchanan P.J. "A Trump Doctrine – 'America First'." *WND*. N.p., 14 Nov. 2016. Web. <<https://www.wnd.com/2016/11/a-trump-doctrine-america-first/#3A6OUwoejdXldLY8.99>>.
31. Cardon E.C. "The Future of Army Maneuver – Dominance in the Land and Cyber Domains." *The Cyber Defense Review* 1.1 (2016): 15 – 20.
32. Chivvis C.S. *Understanding Russian "Hybrid Warfare": And What Can Be Done About It*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017. Web. <<https://www.rand.org/pubs/testimonies/CT468.html>>.
33. Feakin T. "Enter the Cyber Dragon: Understanding Chinese Intelligence Agencies' Cyber Capabilities." *ASPI (Australian Strategic Policy Institute). Special Report*. June 2013, issue 50. PDF-file. <https://www.files.ethz.ch/isn/165376/10_42_31_AM_SR50_chinese_cyber.pdf>.
34. Frost P., McClung C., Walls C. "Tactical Considerations for a Commander to Fight and Win in the Electromagnetic Spectrum." *The Cyber Defense Review* 3.1 (2018): 15 – 26.
35. Harold S.W., Libicki M.C., Cevallos A.S. *Getting to Yes with China in Cyberspace*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2016. Web. <https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1335.html>.
36. Krepton M., Thompson J., eds. *Anti-satellite Weapons, Deterrence and Sino-American Space Relations*. Washington, DC: Stimson Center, 2013.
37. Lawson S. "Bringing the Cyber Back into US Cyberwar Discourse." *Georgetown Journal of International Affairs* 16 (2015): 212 – 224.
38. Lawson S.T. *Nonlinear Science and Warfare: Chaos, Complexity and the US Military in the Information Age*. London: Routledge, 2013.
39. Li Qing, Xue Chao, Liu Jian-Ping, Wu Jun-Fei, Yang Shan-Qing, Shao Cheng-Gang, Quan Li-Di, Tan Wen-Hai, Tu Liang-Cheng, Liu Qi, Xu Hao, Liu Lin-Xia, Wang Qing-Lan, Hu Zhong-Kun, Zhou Ze-Bing, Luo Peng-Shun, Wu Shu-Chao, Milyukov Vadim, Luo Jun. "Measurements of the Gravitational Constant Using Two Independent Methods." *Nature* 560.7720 (2018): 582 – 588.
40. Lin Jium-Ming, Lin Cheng-Hung, Hu Jyh-Nong. "Mobile Robot-Based Antenna Tracking System on RPV Using Intelligent Neural Controller." *Proceedings of 2017 International Conference on Machine Learning and Cybernetics (ICMLC Ningbo, China, 9 – 12 July 2017)*. New York: IEEE 2017, volume 2. 633 – 639.
41. Mann S.R. "Chaos Theory and Strategic Thought." *Parameters (US Army War College Quarterly)* XXII (1992): 54 – 68.
42. Nersisyan L. "America vs. Russia: When Will Hypersonic Weapons Change the Way We Wage War?." *The National Interest*. Center for the National Interest, 1 Sep. 2017. Web. <<https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/america-vs-russia-when-will-hypersonic-weapons-change-the-22151?page=0%2C1>>.
43. Smeets M. *Can Economic Sanctions Be Effective?*. World Trade Organization, Economic Research and Statistics Division. Staff Working Paper ERSD-2018-03, 15 March 2018. PDF-file. <https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201803_e.pdf>.
44. Taylor A. "Do Sanctions Work? The Evidence Isn't Compelling." *The Washington Post*. 2 Aug. 2017. Web. <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/08/02/do-sanctions-work-the-evidence-isnt-compelling/?noredirect=on&utm_term=.6a219db079f2>.
45. Xu Yuhui, Zhang Zongde, Sun Zhaogang. "Drug Resistance to *Mycobacterium tuberculosis*: From the Traditional Chinese View to Modern Systems Biology." *Critical Reviews in Microbiology* 41.3 (2015): 399 – 410.
46. Yan Juan, Hu Chongya, Wang Ping, Zhao Bin, Ouyang Xiangyuan, Zhou Juan, Liu Rui, He Dannong, Fan Chunha, Song Shiping. "Growth and Origami Folding of DNA on Nanoparticles for High-Efficiency Molecular Transport in Cellular Imaging and Drug Delivery." *Angewandte Chemie International Edition* 54.8 (2015): 2431 – 2435.

**ХОДАКОВСКИЙ Е.А. ТРЕТИЙ РИМ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ БЕЗОПАСНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

47. Yang Chenguang, Teng Tao, Li Zhijun, Na Jing, Su Chun-Yi. "Global Adaptive Tracking Control of Robot Manipulators Using Neural Networks with Finite-time Learning Convergence." *International Journal of Control, Automation and Systems* 15.4 (2017): 1916–1924.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11–2011:

Ходаковский, Е. А. Третий Рим в системе гецивилизационных парадигм безопасности: некоторые особенности, тенденции эволюции и перспективы [Электронный ресурс] / Е.А. Ходаковский // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2018. — Т. 16. — Вып. 1–2. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast16-1_2.2018.11. DOI 10.24411/2227-9490-2018-11011.

THE THIRD ROME IN SYSTEM OF CIVILIZATIONAL SECURITY PARADIGMS: SOME FEATURES, EVOLUTION TRENDS, AND PERSPECTIVES

Evgeny A. Khodakovsky, D.Phil. (Political Sciences), Ph.D., expert at Fund of National and International Security, Moscow

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-1204-5129>

E-mail: evgeny-a-khodakovsky@j-spacetime.com; khodakovsky@bk.ru

The current state of the world-system is characterized by two opposite trends that determine the specifics of geocivilizational security and global confrontation. The first trend is connected with the results of the 'cold war'; it is the domination of a group of countries led by the United States, trying to impose on the world community a system of global political diktat. The second trend is the increasing formation of the polycentric structure of international relations. Here, Russia and China play a system-forming role, including and with the highest priority by means of their civilizational paradigms and modes of security.

The subject matter of my inquiry is features and prospects of the major contemporary civilizational paradigms and modes of security and global confrontation, mutually conditioned by competition between this paradigms and modes that I study using proprietary methodology of the geocivilization approach. It makes possible to reveal the dependence of the nature of the geo-civilizational security paradigm and global confrontation as results of interaction between leading states of the West and the East, and Russia.

The devaluation of liberal values, the collapse of multiculturalism, crisis of the EU, as well as miscalculations in the political, military-strategic and financial-economic spheres are pushing the leaders of Western countries to use emergency consolidation measures, mainly through a purposeful relations aggravation with Russia, by geopolitical practice on the contradictions between India and China and by strategies of geo-economic dilution of these states. For the countries of the East in the coming decades, the vital task is to develop measures of collective security, which can only be solved with the help of Russia. The creation of a geocivilization union of Russia and the leading Eastern states will help to minimize destructive effect of global hegemon degradation and coalition led by it, which purposefully destroys not only individual states, but entire regional systems, including with the help of extremist and terrorist structures. The totality of geopolitical, geo-economic, geo-information and geo-cultural components of extremism and terrorism in modern conditions form the geocivilizational status of this social phenomenon; effective counteraction to this should also be carried out at the geocivilization level too.

I conclude that synthesis of leading non-Western civilizations' achievements, their unique historical experience and traditions will create a promising image of the world order favorable for geocivilization, wherein Russian idea, India's 'network' social technologies and Chinese stratagems will form the agenda for the mankind development in the third millennium, the new geocivilizational paradigm and mode for the world-system security.

Keywords: security; geocivilizational security; civilizational paradigms and modes of security; global confrontation; West; East; Russia; polycentrism; counteraction to extremism and terrorism.

References:

1. Allen T.S., Moore A.J. "Victory without Casualties: Russia's Information Operations." *Parameters* 48.1 (2018): 59–71.
2. Andreev A., ed. *History of India*. Moscow: Alternativa Publisher, 2004. (In Russian).
3. Barma N.H., Weber S., Ratner E., "A World Without the West." *Russia in Global Politics* 4 (2008): 34–47. (In Russian).
4. Barma N.H., Ratner E., Weber S. "The Mythical Liberal Order." *Gefter*. 2 Sep. 2013. Web. <<http://gefter.ru/archive/9797>>. (In Russian).
5. Bartol V. *Alamut*. Berkeley, CA: North Atlantic Group, 2007. Web. <<http://www.rulit.me/author/bartol-vladimir/alamut-get-323943.html>>.
6. Brzezinski Z. *Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power*. New York: Basic Books, 2012.
7. Buchanan P.J. "A Trump Doctrine — 'America First'." *WND*. N.p., 14 Nov. 2016. Web. <<https://www.wnd.com/2016/11/a-trump-doctrine-america-first/#3A6OUwoejdXldLY8.99>>.

**ХОДАКОВСКИЙ Е.А. ТРЕТИЙ РИМ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ БЕЗОПАСНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

8. Buchanan P.J. *State of Emergency: The Third World Invasion and Conquest of America*. Moscow: Midgrad Publisher, Neoclassic Publisher, AST Publisher, AST Moskva Publisher. 2008. (In Russian).
9. Buchanan P.J. *Suicide of a Superpower: Will America Survive to 2025?*. Moscow: AST Publisher. 2016. (In Russian).
10. Buchanan P.J. *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization*. Moscow: AST Publisher. 2003. (In Russian).
11. Cardon E.C. "The Future of Army Maneuver – Dominance in the Land and Cyber Domains." *The Cyber Defense Review* 1.1 (2016): 15–20.
12. Chivvis C.S. *Understanding Russian "Hybrid Warfare": And What Can Be Done About It*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2017. Web. <<https://www.rand.org/pubs/testimonies/CT468.html>>.
13. Choudhuri N. "Hinduism: A Religion to Live By." *Chrestomathy on Comparative Study of Civilizations*. Ed. B.S. Erasov. Moscow: Aspekt Press Publisher, 1999. 366–371. (In Russian).
14. Dresen J.F. "Sanctions Emerge as the Indispensable Tool of American Statecraft." *Russia in Global Affairs* 5 (2015). Web. <<http://globalaffairs.ru/number/Nastuplenie-i-nakazanie-17743>>. (In Russian).
15. Gevorkyan S.G. "Permafrost Zone as a Subject and Area of Frontier Conflicts." *Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time* 3.1 ('Space, Time, and Boundaries') (2013). PDF-file. <<http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%203%20Vip%201/rubr6-estestvennye-granicy-st2-gevorkyan-2013.pdf>>. (In Russian).
16. Feakin T. "Enter the Cyber Dragon: Understanding Chinese Intelligence Agencies' Cyber Capabilities." *ASPI (Australian Strategic Policy Institute). Special Report*. June 2013, issue 50. PDF-file. <https://www.files.ethz.ch/isn/165376/10_42_31_AM_SR50_chinese_cyber.pdf>.
17. Feakin T. Enter the Cyber Dragon: Understanding Chinese Intelligence Agencies' Cyber Capabilities. *ASPI (Australian Strategic Policy Institute). Special Report*. June 2013, issue 50. PDF-file. <https://www.files.ethz.ch/isn/165376/10_42_31_AM_SR50_chinese_cyber.pdf>.
18. Fedorov N.F. *Collected Works*. Moscow: Traditsiya Publisher, 1997, volume III. (In Russian).
19. Frost P., McClung C., Walls C. "Tactical Considerations for a Commander to Fight and Win in the Electromagnetic Spectrum." *The Cyber Defense Review* 3.1 (2018): 15–26.
20. Frumkin K. *After Capitalism. The Future of Western Civilization*. Moscow: Algoritm Publisher, 2014. (In Russian).
21. Harold S.W., Libicki M.C., Cevallos A.S. *Getting to Yes with China in Cyberspace*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2016. Web. <https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1335.html>.
22. Huntington S. "The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order." *New Post-Industrial Wave in the West*. Ed. V.L. Inozemtsev. Moscow: Academia Publisher, 1999. 528–556. (In Russian).
23. Khodakovskiy E.A. "National Security of Russia in the Context of Globalization." *Geopolitical Approach*. Eds. A.P. Kochetkov, A.V. Opalev. Moscow: YUNITY-DANA Publisher, 2016. 125–171. (In Russian).
24. Kochergina V. *Sanskrit-Russian Dictionary*. Moscow: Russkiy yazyk Publisher, 1987. (In Sanskrit and Russian).
25. Lawson S. "Bringing the Cyber Back into US Cyberwar Discourse." *Georgetown Journal of International Affairs* 16 (2015): 212–224.
26. Lawson S.T. *Nonlinear Science and Warfare: Chaos, Complexity and the US Military in the Information Age*. London: Routledge, 2013.
27. Li Qing, Xue Chao, Liu Jian-Ping, Wu Jun-Fei, Yang Shan-Qing, Shao Cheng-Gang, Quan Li-Di, Tan Wen-Hai, Tu Liang-Cheng, Liu Qi, Xu Hao, Liu Lin-Xia, Wang Qing-Lan, Hu Zhong-Kun, Zhou Ze-Bing, Luo Peng-Shun, Wu Shu-Chao, Milyukov Vadim, Luo Jun. "Measurements of the Gravitational Constant Using Two Independent Methods." *Nature* 560.7720 (2018): 582–588.
28. Lin Jium-Ming, Lin Cheng-Hung, Hu Jyh-Nong. "Mobile Robot-Based Antenna Tracking System on RPV Using Intelligent Neural Controller." *Proceedings of 2017 International Conference on Machine Learning and Cybernetics (ICMLC Ningbo, China, 9–12 July 2017)*. New York: IEEE 2017, volume 2. 633–639.
29. Lunev S.I. "India in a Globalizing World." *Globalization and Large Semi-Peripheral Countries*. Moscow: Mazhdunarodnye otnosheniya Publisher, 2003. 172–185. (In Russian).
30. Mann S.R. "Chaos Theory and Strategic Thought." *Parameters (US Army War College Quarterly)* XXII (1992): 54–68.
31. Nersisyan L. "America vs. Russia: When Will Hypersonic Weapons Change the Way We Wage War?." *The National Interest*. Center for the National Interest, 1 Sep. 2017. Web. <<https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/america-vs-russia-when-will-hypersonic-weapons-change-the-22151?page=0%2C1>>.
32. Panarin A.S. *Strategic Instability in the 21st Century*. Moscow: Algoritm Publisher, 2003. (In Russian).
33. Pelipenko A.A. *Comprehension of Culture. I. Culture and Meaning*. Moscow: ROSSPEN Publisher, 2012. (In Russian).
34. Podrabinek A. "Déjà Vu. Economic Sanctions." *Radio Liberty*. RFE/RL, Inc., 9 Jan. 2015. Web. <<https://www.svoboda.org/a/26769486.html>>. (In Russian).
35. Primakov E.M. *The World After 9/11*. Moscow: Mysl Publisher. 2002. (In Russian).
36. Sardar Z., Davies M.W. *Why Do People Hate America?*. Moscow: Prospekt Publisher, 2003. (In Russian).
37. Smeets M. *Can Economic Sanctions Be Effective?*. World Trade Organization, Economic Research and Statistics Division. Staff Working Paper ERSD-2018-03, 15 March 2018. PDF-file. <https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201803_e.pdf>.
38. Stepanyants M.T. "Gandhi." *New Philosophical Encyclopedia*. Ed. V.S. Stepin. Moscow: Mysl Publisher, 2010. *Electronic Library*

**ХОДАКОВСКИЙ Е.А. ТРЕТИЙ РИМ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ БЕЗОПАСНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

- of Institute of Philosophy, Russian Academy of Science. RAS Institute of Philosophy, n.d. Web. <<https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH011da2d0724e98b2a1a95b1d>>. (In Russian).
39. Taylor A. "Do Sanctions Work? The Evidence Isn't Compelling." *The Washington Post*. 2 Aug. 2017. Web. <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/08/02/do-sanctions-work-the-evidence-isnt-compelling/?noredirect=on&utm_term=.6a219db079f2>.
40. Toynbee A.J. *Civilization on Trial*. Moscow: Progress-Kultura Publisher, 1996. (In Russian).
41. Tsiolkovsky K.E. *Cause of Cosmos. The Will of the Universe. Scientific Ethics*. Moscow: Kosmopolis Publisher, 1991. (In Russian).
42. Utkin A.I. *The Only Superpower*. Moscow: Algoritm Publisher, 2003. (In Russian).
43. Xu Yuhui, Zhang Zongde, Sun Zhaogang. "Drug Resistance to *Mycobacterium tuberculosis*: From the Traditional Chinese View to Modern Systems Biology." *Critical Reviews in Microbiology* 41.3 (2015): 399–410.
44. Yan Juan, Hu Chongya, Wang Ping, Zhao Bin, Ouyang Xiangyuan, Zhou Juan, Liu Rui, He Dannong, Fan Chunha, Song Shiping. "Growth and Origami Folding of DNA on Nanoparticles for High-Efficiency Molecular Transport in Cellular Imaging and Drug Delivery." *Angewandte Chemie International Edition* 54.8 (2015): 2431–2435.
45. Yang Chenguang, Teng Tao, Li Zhijun, Na Jing, Su Chun-Yi. "Global Adaptive Tracking Control of Robot Manipulators Using Neural Networks with Finite-time Learning Convergence." *International Journal of Control, Automation and Systems* 15.4 (2017): 1916–1924.
46. Zimonin V.P. "Two Tendencies in Military-political Situation Development in the Asia-Pacific Region and China." *China in the 21st Century: Chances, Challenges and Prospects*. Moscow: RAS Institute of Far Eastern Studies Publisher, 2000. 37–52. (In Russian).
47. Zinoviev A.A. *Suprasociety Ahead*. St. Petersburg: Neva Publisher, 2004. (In Russian).

Cite MLA 7:

Khodakovsky, E. A. "The Third Rome in System of Civilizational Security Paradigms: Some Features, Evolution Trends, and Perspectives." *Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time* 16.1–2 (2018). Web. <2227-9490e-aprov_r_e-ast16-1_2.2018.11>. DOI 10.24411/2227-9490-2018-11011. (In Russian).